

18+ александр

Кормашов

Искушённая

Александр Кормашов

Искушённая

«Издательские решения»

Кормашов А.

Искушённая / А. Кормашов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-743848-7

Спецслужбе важно выяснить, существует ли связь между гибелью одной странной девушки и содержанием небольшой поэмы, появившейся в литературном журнале.

ISBN 978-5-44-743848-7

© Кормашов А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	20
Глава 4	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Искушённая

Александр Кормашов

© Александр Кормашов, 2025

ISBN 978-5-4474-3848-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Прошли обещанные пол- и ещё, наверное, часа четыре, прежде чем гладкая железная дверь, без всяких признаков ручки и даже дверных петель, плавно отклеилась от стены.

– Прошу вас. Сюда, Константин Сергеевич. Проходите. Присаживайтесь. На стул. Извините, что заставили ждать. Кофе? Ну, тогда чай. Не холодно? В вашей комнате, я имею в виду. Зима-то в этом году не подарок. Ну да ладно. Сразу к вашему... к нашему делу. Это не допрос. Вы превратно истолкуете мою роль, если решите, что в этой папке лежит какое-то дело. Есть, конечно, вопросы. Видите, я достаю, открываю... Альманах «Строфы», страница тридцать восемь. Одно большое стихотворение. Или поэма? Ладно. Как вы заметили, что я не веду протокола, хотя не буду скрывать, что беседа пишется. Итак, журнал «Строфы», №1, январский, за 1994, и в нём мы находим это стихотворение. Или поэму? Ладно. Итак, продолжим. А продолжим мы тем, что... Взгляните.

Из пакета плотной черной бумаги выскользнуло полдюжины фотографий, в разных ракурсах, разных увеличений. Она, она и она. Есть вид сверху. Её лицо – крупно.

Я слотнул наждачную сухоту в горле.

Комната была полным повтором той, через стенку, смежной, в которую меня затолкнули четыре часа назад. Тот же дээспэшный шкаф (сам его вид подразумевал ДСП – для служебного пользования), те же казённого вида обои и те же невероятные жалюзи. Такие, наверное, монтируются на полицейских бронемашинах – выдержат любой камень. Здесь же они прикрывали окно изнутри. Крепкие стальные пластины поворачивались на втулках, вмонтированных прямо в бетон. За окном – заснеженный подмосковный лес. Вероятно, где-то к северу от Москвы. Машина, на которой меня везли, сворачивала в лес с Ярославки.

– Так вы её знаете?

Эта комната отличалась лишь тем, что кровати в ней не было, а вместо типового гостиничного стола стоял мощный канцелярский, двухтумбовый, да в угол приткнулся журнальный столик с двумя низкими креслами по бокам. В целом же, как ни гляди, тут у них получался вполне приличный двухкомнатный номер, состоящий из пары комнат-близняшек, причем первая – проходная.

Больше взгляд ни на чем не задерживался. Разве что на компьютере. Ноутбук. Их ещё называют «лэптоп». В смысле, работай хоть на коленке. Ляпай хоть на коленке. И ещё на столе стоял телефон и лежала папка, раскрытая канцелярская папка. С тесёмками. И с журналом внутри. Больше на столе ничего не было. Кроме полдюжины её фотографий. И на всех она неживая.

– Вы знаете эту девушку?

Болела изнанка нижней губы.

– Ну хорошо. Тогда познакомимся поближе, – сказал человек. – Вы у нас будете... Константин Сергеевич Смирнов? Так?

Я кивнул: буду.

– А меня зовите просто Клавдий Борисович.

– Клавдий... – я прокашлялся.

– Борисович, – повторил он.

– Клавдий Борисович... – повторил я, а поскольку интонация у меня получилась обрванная и от этого вопросительная, он повторил, словно проштамповал:

– Клавдий Борисович.

Пауза. Мне казалось, он еле сдерживался, чтобы не съехидничать: «Вам ещё и фамилию? А какую?»

В нём было что-то от старого хитрого ученого барсука. В очках. Жидкие, зачёсанные назад волосы, две обширные, слоновой кости залысины. Глаза широко расставленные, но и сильно уменьшенные очками с хорошими диоптриями. Большой, хрящеватый и при этом немного курносый нос – трамплинчиком. Напрочь срезанный подбородок. Очень странный рот. Только что кончики губ угрюмо свисали вниз, как тут же резко подкидывались вверх, подпирая рыхлые, изрядно подсушенные щёки курильщика. Это у него, вероятно, означало улыбку. Скобка вверх – скобка вниз – скобка вверх. Рехнуться можно.

– Клавдий...

– Борисович, – терпеливо подсказал он.

– А она? Она у вас?

Клавдий Борисович сделал ртом «скобку вверх».

– У нас.

– А можно?..

– Можно. Можно всё начать по порядку и как можно побыстрее всё закончить. У нас не так много времени, Константин Сергеевич. – Клавдий поднял крышку компьютера, нажал, внутри что-то пикнуло и захрюкало. – Я тут уже немного поработал. Настучал ваши свидетельские... простите, набрал ваш труд на компьютере и разбил текст на блоки. Возьмите журнал. Возьмите, возьмите. Откройте семнадцатую страницу. Открыли? Хорошо. А на экране вы видите мой вопрос.

Он развернул компьютер, и я увидел экран. Там было набрано:

Она являлась.....

Это было начало стихотворения.

***

– Ну, ни пуха ни пера!

Деликатность Долина я оценил. Он мог сказать и ехиднее: «Ни дна тебе, ни покрывки». Было бы ближе к истине. Дна-то этот жигуль, собственно, не имел. Так, нечто прогнившее. Да и покрывки, лысые совершенно, смахивали на дутики очень нереактивного самолета.

– Счастливо тебе, – буркнул я, хорошо понимая, по какую сторону нашей сделки легло больше счастья. Долинский сосед получил какие-никакие, но деньги, а я взамен получал машину, хоть с виду ещё приличную, но годную лишь на то, чтобы дальше и дальше, через мартены и мартены, вращаться в замкнутом круге железной своей сансары. Впрочем, если Долин решил кого-нибудь осчастливить, спорить с ним бесполезно.

Первая скорость сразу не включилась. Потом включилась и тут же вылетела. В зеркало заднего вида я видел, как приближаются Долин и его сосед.

– Э-э... это... забыл сказать, – сосед нагнулся к окну, дыша мне в лицо самогонкой, которой они вместе со Долиным обмывали мою попку. – С первой того... бывали проблемы. Но ты не жалея сцепления, недавно менял, давай, трогайся со второй. А мы тебя подтолкнём. Давай, Саньк.

Они уперлись в багажник и протолкали меня через половину деревни. Машина дёргалась и скакала.

– Санторин! – кричал я назад. – Чтоб разорвало тебя, Санторин! Чтоб следующей твоей картиной был «Взрыв Санторина»!

На миг я подумал, что, если бы Долина разорвало перед холстом, это был бы великий авангардизм, хотя и не совсем в манере его письма.

С художником Александром Долиным у нас были сложные отношения. Многие из наших знакомых подозревали между нами легкую неприязнь, только ошибались. Временами непри-

язнь была сильной. Вот и сейчас, набирая скорость, я был стопроцентно уверен, что Долин не просто так открывает рот. Благословляет, наверное, на дорожку, но только не теми словами, которые мне хотелось услышать, типа: «Ни гвоздя тебе, Костя-друг, ни жезла».

Я выехал из деревни, где Саня Долин свой строил дом, ещё засветло. И ещё посуху. Далеко за полночь под нудным осенним дождем катил уже по Москве, стараясь держаться зелёной волны светофоров, но если не получалось, всегда находилась какая-нибудь иномарка, что пролетала под красный свет впереди меня. После каждой остановки на светофоре в душе появлялось чувство, что я не скорость включаю, а вконец измождённой и вконец уработавшейся на пахоте кляче вновь и вновь сую в зубы железные удила. И в запахе горящего сцепления мне чудился запах предсмертного конского пота.

Гаишный жезл возник ниоткуда.

Я полез в карман за правами, они у меня ещё книжечкой, советские, куда удобно вкладывать деньги, но тут рядом с гаишником возникла большая фигура. Это была действительно большая внушительная фигура – большого серьёзного человека. И он зачем-то попридержал гаишника:

– Спасибо, лейтенант. Я сам.

То, что этот человек сделал, плохо укладывалось в голове. Он взял книжечку моих прав, пустую ещё книжечку, и... вложил в них сто долларов. Прямо вот так взял и вложил.

– Отвезите девушку, куда скажет, – затем сказал он и, обойдя машину спереди, по-хозяйски распахнул пассажирскую дверцу. В машину села девушка, дверца захлопнулась.

Вот так. Вот и всё. Человек с гаишником отошли. Метрах в пяти по ходу движения, в начале боковой улочки стояла машина ГАИ и ещё две столкнувшиеся машины. Одна из них – мерседес того типа, который все почему-то называли «посольским», такой он был тоже большой и солидный.

Не знаю, то ли в силу ста долларов, то ли в силу присутствия девушки или из-за чего-то ещё, но в моём жигуле тотчас же включилась первая скорость, и мне удалось красиво тронуться с места. Увы, это было в последний раз. Во все последующие разы, остановившись на светофоре, я просто пытался отвлечь внимание пассажирки.

– Вам куда?

– Большая Грузинская.

– Большая Грузинская?

– Да.

– Она большая.

– Я знаю.

– Вы там живёте?

– Да.

– Прекрасно. Я тоже. В доме со сберкассой, над зоопарком. Дом-сундук. А вы где?

– Я... ну там рядом. Неважно. Я покажу.

Сидела она очень прямо, даже слишком для своей сутуловатой фигуры, и всё время как будто подавалась телом вперёд. Я подумал, что это, наверное, из-за капюшона плаща.

А мне уже было весело. К тому же я был не настолько воспитанный человек, чтобы тут же не рассмотреть её всю – от тугих, обтянутых лайкрой коленок до шляпы, большой чёрной стильной шляпы, если и женской, то сильно смахивающей на мужскую. Та затеняла её узкий безбровый лоб и глубоко посаженные глаза. Лишь позднее я понял, что и лоб, и глаза нормальные. Просто брови росли по самой кромке глазниц, а от глаз просто возникало ощущение, будто они затянуты плёнкой, тонкой прозрачной пленкой, сродни третьему веку птицы...

Плётка слетела на пустом ночном перекрестке возле метро «Краснопресненская».

– Куда вы поворачиваете? Большая Грузинская там, нам надо к зоопарку, – показала она налево, когда я повернул направо.

– Там нет левого поворота. А разворот здесь.

– А вы не дальтоник? Вы проехали на красный!

– На жёлтый.

– На красный! Вы!.. – глаза её полоскали по мне сверху вниз и слева направо. – Вы пьяны?!

– Ну нет. Разве что у моего зелёного змия лицо Бенджамина Франклина. Я вас почти привёз.

– Куда вы меня завозите? Мне не сюда! Вернитесь на дорогу, – зыркала она из-под шляпы глазами психованной кинозвезды, пока я заруливал под арку, чтобы въехать к себе во двор.

– Успокойтесь, почти сюда, – успокаивал я её. – Вот мой дом. На сегодня с извозом закончено. Дальше я провожу вас пешком.

Заглушив мотор, я попробовал вытащить ключ зажигания, но тот, зараза, как потом оказалось, он выходил из замка лишь с энной по счёту попытки. Сказать ему всё, что я о нём думал, у меня не было времени, я говорил с девушкой:

– Да вы не волнуйтесь. Хотите, я завтра вас покатаю?

Разумеется, она не дослушала. Она уже убегала.

– Завтра в это же время, – крикнул я вслед. – Ровно в двадцать девять часов девяносто восемь минут по большому грузинскому времени, жду вас на этом месте!

В тот момент я не думал за ней бежать. Я был рад, что эпопея с машиной, хотя бы на время, закончилась, а новая эра ещё не наступила. Когда же, так и не вызволив ключ из замка, я поспешил за её небольшой сутулой фигуркой... да, сутулостью-то меня и резануло, хотя я хорошо понимал, что может сделать с женщиной плащ, если он с таким капюшоном... я ещё не мог знать, что нам предстояло вместе провести ночь и затем полгода.

– Значит, вы мне не верите? – догнал я её на улице, когда она убегала по пустынному тротуару. – Вот вам мои часы. Взгляните сами, сейчас ровно двадцать девять часов девяносто восемь минут. Да стойте же вы, куда вы бежите? Посмотрите хотя бы.

– Отстаньте от меня!

– Я не вру!

Я совал ей под нос часы, она отбивалась рукой и, видимо, злилась. Что ж, от этого белорусского «камертона» я и сам что ни день заряжался злостью: у его электроники наблюдалась стойкая водобоязнь. Стоило даже просто сполоснуть руки, не отстегнув заранее ремешок, как циферблат поначалу гас, а потом начинал мигать самым диким набором цифр, чередуемых, как правило, двумя буквами: «Е» и «Г». Но всё же один характерный момент я заметил: когда наконец на табло устанавливалось стабильное 29:98, это значило, что завтра с утра можно смело ставить точное время и часы опять пойдут как часы. Главное, забыть о гигиене и не попадать под дождь, как сегодня.

– Дайте же мне пройти! – протестовала она, натыкаясь на часы. – Вы с ума сошли! Нет, не надо меня провожать!

– Упаси меня бог провожать вас в такую погоду. Да ещё ночью, – пытался я поддержать беседу.

– Слушайте, вы! – она снова полоснула глазами. Интуитивно я почувствовал, что сейчас она скажет то, после чего уже всё, но спасло проезжающее такси.

– Шеф! Отвези девушку, куда скажет!

Таксист почти в панике ощупал мокрую стодолларовую купюру. Мне оставалось только захлопнуть дверцу. Но такси не проехало и двадцати метров. Зажглись стоп-сигналы, машина вильнула вправо, метнулась налево и замерла у первого же подъезда семиэтажного дома, ровно через три здания от того, где я жил.

Она вышла и быстро взбежала по ступенькам крыльца. Хлопнула наружная дверь. Потом вторая, внутренняя, в тамбуре.

Выезжая обратно на улицу, таксист заметил меня и рванул прочь с визгом шин.

Я ещё стоял и курил, когда вновь раздалось хлопанье дверей, сначала глухое, внутренней, потом позвонче, наружной, и она появилась на крыльце.

Постояла. Пошла к дороге. Увидела на тротуаре меня. Остановилась. Снова пошла и снова остановилась. Мимо подряд пронеслись две машины, одно такси даже сбавило скорость, но она не проголосовала. Достала из сумочки сигареты. Я подошёл, вынул из коробка спичку, но рука дрогнула, и коробок упал в лужу. В зубах у меня ещё тлел бычок.

– Один мой знакомый так боялся подхватить СПИД, что даже не мог прикуривать от чужой сигареты, – глухо проговорил я.

– Я не боюсь, – сказала она и прикурила от бычка.

Глава 2

Клавдий Борисович наконец догадался убрать фотографии и стал засовывать их обратно в чёрный пакет. И ту её фотографию совсем мёртвой, лицо крупно, и ту почти голой, лежащей на какой-то лесной поляне, у самой кромки тающего весеннего снега. При этом он говорил:

– Я сейчас попрошу принести ещё по стаканчику чая. Или, может, присовокупим бутерброд?

Значит, она у них, подумал я. Лежит где-то в морозильной камере. И обязательно этот У-образный шов от паха до ключиц, наскоро стянутый грубой ниткой...

– Вообще-то я бы поел, – неуверенно проговорил я, продолжая следить, как фотографии исчезают одна за одной. – Чтобы первое и второе, и третье. И горчица.

Этот приём я знал с детства. Меня этому научил отец: если не знаешь, что делать, делай то, что хотелось бы делать меньше всего.

Клавдий снял трубку:

– Таня, мы будем обедать.

Молодая-немолодая женщина, то ли горничная, то ли секретарша, но в белом переднике вкатила сервировочный столик, и вот уже Клавдий пригласил меня пересесть к журнальному столику с двумя креслами.

Суп был щи.

– Как вы меня нашли? – спросил я, проворачивая в них ложку.

– Как нашли? В нашей конторе читают всё, что выходит в стране. Ограничусь словами «в нашей стране».

– А что у вас за контора? КГБ?

– КГБ, как вы знаете, уже нет.

– ФСК? То есть теперь ФСБ?

– Милиция вас устраивает?

– А вас?

– Меня устраивает и милиция. Пока её тоже не переименовали. Впрочем, ладно. Вы уже некоторым образом человек посвященный, – не доев котлету, Клавдий принялся за кисель. – В каждом обществе, Константин, в каждом государстве есть особая служба, как бы это сказать, служба хранения глубокого молчания. Если хотите, так и называйте СХГМ. Ибо есть вещи, обнародование которых может вызвать некоторые нестроения в обществе, спровоцировать нездоровое любопытство, ажиотаж, смуту, шум, хай, ор... Ну, в общем, наша контора...

– Контр-ора.

– Если вам будет угодно. Я бы даже сказал, что мы своего рода кунсткамера. А сам я хранитель музея. И храним мы, как вы уже поняли, молчание. Молчание как таковое. По определению. Молчание собственно. Так что молчать я умею. Возможно, вы скажете, что молчать – это не профессия. Не знаю, не знаю. Хотя, возможно, призвание. Вспомните о наших молчальниках, о греческих исихастах. О Тютчеве, наконец. Мысль изреченная есть ложь. В помощь также Нильс Бор. Его теория дополнительности, где ясность высказывания дополнительна его истинности. Вам, как поэту, возможно, ближе Тютчев, но мне определённю Нильс Бор. Чем яснее мы выражаем мысль, тем дальше она от истины. И наоборот. То есть чем ближе к истине находятся наши высказывания, тем меньше мы их понимаем. Отсюда вывод: всякая истина лежит в невысказывании. Это не равно молчанию, нет. Применительно к вам, поэтам, я бы сказал, что истинный поэт тот, кто не пишет стихов. Хотя он по-прежнему поэт.

– Значит, я не истинный?

– Нет. Вы же не промолчали. Не вытерпели, не выдержали, не устояли перед соблазном об этом всё написать. Хотя бы и под видом поэмы. Так сказать, под прикрытием флёра вооб-

ражения, вуали поэтической выдумки... – он отнял от губ кисель и жёстко взглянул на меня в упор, – бреда.

У меня было чувство, что он сейчас добавит «сивой кобылы». Я сжался, но сумел сказать:

– Вам видней.

– Нам видней. К сожалению, мы тоже страдаем ограниченным кругозором, но, к счастью, я вышел на вас почти сразу. Не прошло и полгода. Журнал оказался очень кстати. В принципе, я мог бы до пенсии разрабатывать эту тему... Ой, а что мы так плохо едим? Учтите, теперь до ужина.

– До ужина? Вы хотите сказать...

– Я хочу сказать, не напечатай так скоро вы это ваше... признание? Вы согласны, ваша поэма признание? Добровольное признание.

Я промолчал.

– Только странно, что нет названия, – продолжал он. – Три звёздочки вместо заголовка. Кстати, я выяснил, что в полиграфии эти три звёздочки называются «астеризм». Состоят из трёх астерисков. Ну и как вам такой астеризм?

Я молчал. Он выудил двумя пальцами из вазы салфетку, начал вытирать губы. Мне послышался даже скрип – с такой силой он проводил по губам этой рыхлой белой бумажкой.

– Они просто звёздочки, – наконец сказал я. – Те же звёзды, только маленькие.

– Прошу прощения?

– Полиграфия не причём.

– В самом деле? Ну как скажете. Но пора и продолжить.

Он попросил меня вернуться на стул перед его канцелярским столом, занял своё место, предложил сигарету.

За окном смеркалось. В тот момент, когда Клавдий включил верхний свет, жалюзи бесшумно закрылись. Стало отчаянно неудобно. И тут же подумалось, а сколько тут камер наблюдения? Наверное, пронзают всё помещение не хуже, чем душ Шарко. Но сколько бы таких ни было, к ним можно было прибавить ещё пронзительных две. Глаза Клавдия.

– Вы что-то готовы мне сообщить? – неожиданно спросил он.

– Я? Нет. Я подумал...

– О чём вы подумали?

– Я подумал про астеризм, – неожиданно соврал я.

– О чём именно?

– Ну, о... знаете, у Вампилова есть короткая пьеса про «метранпаж». Я подумал, – продолжал я врать дальше, – что можно было бы написать пьесу. Про три звёздочки. Которые, например, указывают на классность вашей гостиницы. Или на ваше звание. Вы случайно не старший прапорщик?

Секунду он смотрел ошарашенно. Потом открыл рот, словно хотел захохотать, но вздохнул и закрыл. Сделал ртом скобку вверх-скобку вниз, полез в левую тумбу стола и достал неполную бутылку коньяка. Оттуда же и две стопочки. Бутылку он повернул этикеткой ко мне. На ней было пять армянских звёзд. Он закрыл пальцем две. И только тут расхохотался. Даже не знаю, что сказать. Смотреть на его хохот как-то не хотелось.

Коньяк оказался приличным. Неплохо пришлась и поломанная плитка шоколада. За коньяком он мне и ответил. Блеснул эрудицией, так сказать.

– Представим, что мы с вами, Константин, находимся в садах Академии, гуляем по аллеям вместе с Платоном. Или в Ликее с Аристотелем. Перипатетики, так сказать. Герменевтики. У нас есть задача. Поэма. Мы должны её прочитать. Типа понять её смысл, проникнуть в суть. Кстати, вы читали «Бледное пламя» Набокова. Нет? Я вам принесу. Личный экземпляр. Купил в Лондоне. Вы ведь читаете на английском? Хорошо. Что ж, тогда мы сейчас...

– Эти три звездочки не вместо названия, – сказал я. – Они и есть название. Три звезды – это пояс Ориона. Пояс Ориона в созвездии Ориона. Я даже просил редактора, чтобы он разметил их уступом вверх.

– И?

– Он сказал заумь.

– Интересно. Ну вот видите, какие мы молодцы. Ещё и не подошли к тексту, а уже что-то прояснилось. Погодите.

Надев очки, он застучал двумя пальцами по клавиатуре, роняя на неё пепел сигареты и чертыхаясь, когда попадал не в ту букву. Потом прочитал напечатанное, вновь чертыхнулся и исправил ошибку. Затем резко вскинул то, что Бог повелел Адаму именовать подбородком, и, сощурившись, взглянул на меня из-под век:

– Откройте журнал, Константин. Слова «Константин Смирнов» набраны другой гарнитурой. Тоже чья-то вина?

– Нет. Это псевдоним.

Ногтем большого пальца он поправил на переносице очки и прокатился ими по трамплинчику носа.

Мы помолчали. Наконец он достал из стола ещё одну канцелярскую папку и развязал тесёмки:

– Ваше свидетельство о рождении?

Действительно, моё свидетельство о рождении, уже почти развалившееся по стибу.

– Ваш паспорт?

Мой паспорт.

– Где же тут псевдоним?

– Мой прапрадед был греком из города Смирны. Смирнов и есть псевдоним. Просто мой псевдоним совпадает с моей фамилией.

Он сильно дунул в клавиатуру компьютера, выдувая из букв сигаретный пепел, и снова что-то набрал. Потом показал мне. Я вытянул шею. Начало выглядело теперь так:

Константин СМИРНОВ

***

Она являлась.....

***

В ту ночь она ушла, едва открылось метро.

Я машинально поднял из пепельницы её окурок. Оставалось на две-три затяжки. Понюхал – с ментолом. Обгоревший кончик был твёрд, но само сигаретное тело мягкое и скрипучее. Отпечаток помады. Губы мои сами собой разомкнулись. Фетишист, только и успел я подумать, как перед носом вспыхнула зажигалка, и я медленно пропустил через лёгкие весь тот дым, который она оставила мне. Фильтр я долго не знал куда деть. Выбросить вместе с другими окурками в мусорное ведро не поднималась рука.

Кактус попался на глаза невзначай. Единственный цветок, оставшийся от жены. Да и то потому, что не цветок вовсе. Палец мой едва не сломался, покуда в земле не просверлилось достаточное отверстие. Я сунул туда окурок и присыпал землей.

В зоопарке было темно, лишь фонари выхватывали кое-какие вольеры. Где-то там сейчас гулял кот.

От окна несло холодом. По кривому обводу улицы, огибающему дом, проскакивали невидимые автомобили. Простонал самый первый троллейбус.

Я не мог её провожать. Она пришла только с этим условием – не удерживать, не провожать, ни о чём не спрашивать.

***

Клавдий пытал меня до самого позднего вечера. Потом снял очки, закрыл компьютер и убрал его стол. Туда же убрал все папки. Туда же, помедлив, кинул и журнал. Всем видом он показывал, что уходит. Поднялся, причесал волосы, сунул в карман сигареты и зажигалку, вытряхнул в пластиковую урну пепельницу. Я продолжал сидеть на стуле прямо перед столом. Он подошёл, остановился надо мной и посмотрел сверху вниз.

– До завтра, Константин.

– До свидания, Клавдий...

Он замер, дожидаясь «Борисовича», а потом хмыкнул:

– Завтра вы скажете, что мы земляки, потому что у нас у обоих римские имена.

Комната, куда он предложил мне вернуться, уже приветственно распахивала свою гладкую железную дверь.

Оставшись один, я включил телевизор и сел на кровать. Сидел долго. Может быть, слишком долго, пока наконец не понял, что плохо переношу некоторые вещи. Это когда на тебя смотрят-смотрят, но ничего при этом не говорят. В комнате было несколько камер, их присутствие даже не пытались скрыть, и в этом, вероятно, был глубокий смысл, только не для меня. Чувство, что за тобой постоянно следят, стало преследовать меня даже в ванной. Там оно просто достигло пика.

Весь день я словно спускался на тяжёлом грузовике с крутого горного перевала, и вдруг педаль тормоза провалилась. Я сдёрнул со стены шланг, открыл оба крана на полную мощность и, как был в одежде, начал поливать водой и стены, и потолок, пытаюсь залить, ослепить невидимую видеокамеру. Кажется, я что-то кричал. Но скоро вымок, охрип, продрог, поскольку напор холодной воды был намного сильнее горячей, выскочил вон, сбросил на пол одежду, залез под одеяло, постепенно согрелся и уснул.

Проснулся я оттого, что чей-то противный голос тёр, словно рашпилем по мозгам: телевизор продолжал работать. Он был старый и не умел выключаться сам. В душевой по-прежнему гудела вода. Вся одежда валялась по полу вразброс. Она, кажется, уже подсыхала. В дверь стучали.

В дверь заглядывала какая-то женщина. Я не сразу сообразил, что это, должно быть, та, вчерашняя, молодая-немолодая, секретарша-горничная или кто там?

– Доброе утро! Вы будете завтракать? Тогда вставайте.

Я сел на кровати, прикрывшись одеялом. Женщина вкатила сервировочный столик, закрыла за собой дверь. Поставила на тумбочку блюдо, на него чашку, налила кофе. Ловко взрезала ножом булочку, будто вскрыла ракушку, и намазала обе её половинки маслом.

– Кушайте на здоровье. Я сейчас.

Она вернулась с комплектом сухих полотенец и баннным халатом, последний подала мне и сказала, что пока приберётся в ванной. Вышла оттуда, когда я уже допивал кофе.

– Меня зовут Татьяна. Можно Таня, – сказала она, представившись первой.

– Костя. Константин. Смирнов. Сергеевич.

– Приятно познакомиться, Константин Сергеевич, – сказала она, забирая с пола мою одежду. – Не беспокойтесь, я всё постираю. А пока принести спортивный костюм?

– Да. И сигареты.

– Хорошо.

Она вернулась с костюмом, но и с пылесосом.

– Ничего, если я буду убираться?

– Ничего. Я пойду приму душ.

В ванной я принял душ, почистил зубы (и щётка и паста были в упаковке), надел спортивный костюм и немного постоял перед зеркалом. Зеркало выглядело глупо.

Всегда неудобно, когда горничная прибирается у тебя в номере, а ты болтаешься тут ничего сделать нельзя. Я подошёл к окну. Жалюзи на нём уже разомкнулись. Окно находилось на одном уровне с верхушками сосен, даже выше, на ветках громоздились грачиные гнёзда, и в гнёзда удавалось даже заглянуть. Внутри белел снег. Будто яйца. Будто кладка яиц. Будто птицы, улетаая, совершенно о ней забыли. Чуть дальше, за рядами деревьев, торчала труба котельной – красная ещё и оттого, что была облита утренним солнцем. Под деревьями угадывалась расчищенная от снега дорожка, идущая примерно в том же направлении. Я прижался щекой к стеклу. Вбок от здания падала длинная его тень. Вероятно, многоэтажное здание. Какой-нибудь закрытый институт...

– Вы не подвинетесь?

Она протёрла подоконник, отогнав меня от окна. Я сел за стол, закурил и от нечего делать поднял трубку телефона. Там словно ждали. Ни шелчка, ни гудка, сразу голос, причём явно детский. Детский был голосок.

– Алё? Я вас слушаю.

Вздвогнув, я посмотрел на трубку, потом на Таню.

– Это моя дочь. В школу ей во вторую смену, а с утра она подрабатывает. Начальство не против.

– У вас что, семейный подряд?

– Н-ню, конечно!

– Ага, ну конечно. А послушайте, этот Клавдий... он вам часом не муж?

Она весело хохотнула:

– Н-ню, вы скажете!

Так мы разговорились. Я предложил ей сигарету, она под села к столу, закурила. Лицо у неё было принапудренное, глаза подкрашенные, губы в трещинках, но кожа на шее и в вырезе платья была ещё тугая и ровная. Что делало её особенной, так это глаза: верхнее веко изогнуто луком, нижнее натянуто, словно тетива. Когда-то, клянусь, она умела пускать хорошие стрелы.

– Клавдий говорил, у вас тут что-то вроде секретной службы. СХГМ.

– Как?

– Эс-Ха-Гэ-Эм. Служба хранения глубокого молчания.

– Н-ню! Клавдий Борисович, он всегда всего напридумывает. Зато он хороший человек и прекрасный специалист, его у нас все любят.

– А всё-таки? Если честно, я где?

Она улыбнулась и потыкала сигаретой в пепельницу.

– Ну, я же не знаю, чего вы там натворили.

– Да ничего я не натворил. У меня вообще никогда грехов не было. Так, пара гаишных штрафов да один арест...

– Вот видите!

– Ничего я не вижу. И тогда ничего не видел. Только формулировку. Знаете, она звучала так: «За подстрекательство к незаконной коммерческой деятельности путём посягательства на подрыв конституционного строя». Посягательства на подрыв, понимаете?

– Вы о чём?

– Да смешно. Мои восьмиклассники сидели в переходе метро, поставив на пол коробку, а в руках держали плакат: «Сбор средств в поддержку антинародной политики Ельцина и его преступного режима». Выходит, нас взяли за красную пропаганду.

Она рассмеялась:

– Вы придумали!

– Придумать-то придумал, да хватило ума им сказать. А им хватило ума на этом подзаработать.

– Что, правда? – удивилась она.

– Правда-правда, – раздалось сзади. В дверях появился Клавдий Борисович. – И се орел летяша на перии своем, – медленно проговорил он, оглядывая меня с ног до головы. – Пойдёмте, Константин.

Судя по пепельнице с окурками, Клавдий давно уже сидел за столом.

– Долго спим, – первым делом упрекнул он. – Я тут уже поговорил с вашей музой.

– Поговорили?

– Да. Вы знали, что с древнегреческого «муза» переводится как «в искусствах искушённая»?

– Догадывался.

– Ну понятно.

– Что понятно?

– Откуда это всё.

– И откуда?

– Из Пушкина, – сказал Клавдий и кивнул на экран. Монитор компьютера довольно сильно отблёскивал, но мне опять удалось разобрать свою фамилию, три полиграфических звёздочки и первую строчку, начинавшуюся со слов «она являлась».

– Являться муза стала мне, – процитировал Клавдий. – Значит, любите Пушкина.

– Нет.

– Нет?

– Нет.

– Что-то диковенькое. Ну ладно, приступим.

Мы приступили. Он слушал, ничего не записывая, руки были больше заняты сигаретой, но иногда мышью.

– И как же она являлась, всё-таки? – повторил он уже устало, несмотря на начало дня.

– Обыкновенно. Как люди.

– А люди у вас как?

– Ну так. Просто приходили.

Действительно, ко мне приходили люди? Да обыкновенно.

– Клавдий Борисович, вы полагаете, что она влетала в окно? Нет, она была человек.

– И вы полагаете, это факт

В конце его высказывания по всем законам грамматики полагалось поставить бы точку, либо восклицательный, либо вопросительный знак. Однако в конце его высказывания самым инфернальным образом не стояло ничего.

– Факт, – сам я предпочел утверждение и заглянул в экран.

Противоречий не оказалось и там:

*Она являлась. Факт. Её приход
Клавдий прокрутил колёсико мыши:
предвидел наперёд ревнивец-кот,
подобранный когда-то обормот,
хитрец, мудрец и тот ещё приятель.
Мурлыкая, входил он в кабинет,
мяукая, будил меня чуть свет,
был, в целом, благороден, спору нет,
но имя он оправдывал – Писатель.*

*Её приход мой гнусный квартирант
предвосхищал походом под сервант
и только я хватал дезодорант
и пшикал вслед.....*

– На этом фрагменте я бы не останавливался, – поморщил нос Клавдий. – Вот только при осмотре квартиры, однокомнатной вашей квартиры, я должен заметить, никакого кабинета мы не увидели. Не думаю, чтобы этот ваш кот мог писать в бюро. Было бы очень жаль. Такой раритет в наши дни стоит значительных денег.

***

На бюро вполне умещалась даже небольшая пишущая машинка. Слева могла ещё пригнаться пачка бумаги, справа – ручка. Те графья, что писали на этой столешнице письма, не имели наших проблем с пресловутыми квадратными метрами. Бюро нам с женой досталось при обмене квартиры. Бог знает, когда и как пронесли его через дверь. Вероятно, тогда ещё не существовало стандартов на дверные коробки. Когда мы выменяли эту квартиру, бюро вполне походило на пульт органа в какой-нибудь кирхе Кенигсберга после недели кровопролитных боёв. Нам удалось убедить хозяев не выносить его по частям на помойку. Те, правда, очень переживали, что этот тяжёлый труд возлагают на плечи молодожёнов с ребёнком. Расстрогавшись, они подарили нам и кота. Квартира была однокомнатная и не поражала шикарнейшей встроенной мебелью, но дочь прекрасно спала как под стук молотка, так и ширк пилы и шарк рубанка. Теперь я не сомневаюсь, откуда у неё музыкальный слух.

А потом мы с женой разошлись. Просто разошлись. Никакой особенной кошки между нами не пробежало, мы и ссорились-то в году раз двенадцать – в полном соответствии с её лунными циклами. Собственно, и развод был наполовину фиктивный. Она понеслась прописываться в квартиру её сильно пожилых и уже сильно прихварывающих родителей, хотя обговаривала и другую причину. Её институт, типичный «почтовый ящик», переместили из Москвы за город, а квартира родителей была хороша тем, что нужная электричка обтирала платформу почти прямо под их балконом. Они уехали с дочкой обе, оставив вместо себя кота.

На первых порах, приезжая в центр, она обязательно у меня ночевала, да я и сам навещался к ним в гости – чувствуя за собой не столько супружеский, сколько отцовский долг. Но уже через несколько лет отдельный наш быт добил наш брак окончательно. Формально это случилось тогда, как в ванной выбило кран и я в бешеном темпе убирал воду её «любимейшим» баннным халатом, что она сочла величайшим кощунством на свете и не слушала, что халат мог легко впитывать воды по ведру за один раз. С тех пор считалось, «моя» квартира остаётся за мной только до того времени, пока дочь не выйдет замуж, а вопрос алиментов плавно заменился квартплатой за снимаемую жилплощадь.

Жена ничего не понимала в стихах. «Поэзия» и «работа» в её сознании даже близко не могли стоять рядом. Душой она постоянно жила в своём институте, о котором почти ничего не говорила, но мне хватало того, что она там работала по специальности – фармакологом.

Я тоже, боюсь, мало что понимал в стихах. Но я их хотя бы писал. И даже иногда получал гонорары, которые, правда, не считались за деньги и торжественно пропивались. Иными словами, денег никогда не было, и поэтому я работал в школе, преподавая немецкий по самой базовой ставке восемнадцать часов в неделю. Так что по запасам свободного времени я мог считаться практически вольным художником, а по заработкам почти безработным. Да, были часы и английского, поскольку школьные англичанке хронически болели, но ведь и английский я всё-таки знал куда лучше – как-никак одолел англофак Вологодского пединститута. Бывало, с похмелья, в моей голове эти два языка путались, но я вполне овладел языком учительских жестов, а поэтому, когда на уроке немецкого начинал говорить на английском, ученики всё

равно послушно вставали, садились и открывали учебники. Правда, потом на доске появлялось ехидное «Привет землянам с Бодуна!» И количество этих надписей в точности совпадало с числом задушевных бесед с директрисой в её кабинете.

Короче, с поэтических гонораров и учительских денег жить ещё было можно, а вот поить и кормить всю ту дружескую тусовку, что имела привычку вваливаться ко мне после ЦДЛ, уже было сложно. Приходилось переводить детективы. Да и Долин постоянно требовал в долг. Как художнику, ему страшно требовался просторный дом на природе. На пленэре. В деревне. И он его вечно строил. Но ни в чём не преуспевал. Картины его покупались плохо, и вдобавок ко всем напастям он любил поэтессу.

Мы познакомились с Саней Долиным бог весть ещё когда, в Плесецке, на вокзале. Оба поздние осенние дембеля, но с разных космодромных площадок. Я ждал поезд на Ленинград, он – на Москву.

– Сигаретки, брат?

Я достал пачку, в ней оставалось только две сигареты. Он взял одну, другую взял я и, щёлкая зажигалкой, не заметил, что он меня опередил: перед кончиком моей сигареты пляшет пламя его зажигалки. Я ответил взаимностью. Так мы и закурили – на брудершafft.

По характерам мы с ним оказались во всём противоположны, по жизненным целям – встречные. Он, коренной москвич, всей душой и по зову предков рвался жить в деревне, я продолжал свой прерванный армией путь в одну из столиц. В уме держал Ленинград, но поехали мы в Москву.

Это сейчас вот Долин с виду чистый поп, на худой конец – поп-расстрига, но ведь я-то видел его и без бороды, и я знаю, что под ней прячется нежный розовый подбородок, разделенный пополам, как попка младенца.

Когда у меня родился ребенок, Саньке тоже приспичило жениться. Но так уж не повезло, что он задумал взять в жены и увезти в свой ещё не достроенный дом молодую поэтессу, по слухам даже лесбиянку, по виду тоже – Сапфо натуральную. И вот эта парочка много лет на моих глазах крутила такую причудливую любовь, что уже не было никаких сил. Я оставлял их в квартире вдвоём, объявляя, что иду провожать гостей и что поеду к ним в гости сам, и что до утра не вернусь. Но даже утром заставлял их за одним и тем же – за разговорами на кухне.

Раз я прямо набросился на него:

– Ты пойми, если хочешь кого-то взять в жёны, для начала ты должен её просто взять! Просто взять и взять. Нарисуй её голой. Не поедёт к тебе в мастерскую – нарисуй её здесь. На неделю я исчезаю. Кормите кота.

Это было невероятно: она отпозировала ему часов сто. Увидев её на картине в какой-то чудовищно возбуждённой изогнутой позе, мутноглазой, на грани придушенного оргазма, да ещё и смотрящей в глаза, да ещё и на моей софе-сексодроме, я готов был схватиться за нож, располосовать холст, а потом заколоть Саньку. Ему не стоило больше жить.

А через полгода мне срочно позвонила знакомая, тоже поэтесса, и выдала информацию, что Сапфо связалась с американцем и созрела родить от него ребёнка. Радуются все.

– Всё равно, ведь ничего лучшего эта бездарь родить и не сможет, – напоследок съязвила тоже-поэтесса.

Мне оставалось лишь собрать деньги, сходить в магазин за водкой, потом затовариться колбасой и ждать. Долин, в общем-то, не мешал. Он был великий человек хотя бы уже потому, что если создашь ему все условия, он может пить один. Что он и делал. Практически молча пил и практически молча спал. Кот часами сидел у него на груди, карауля, как мышь в норе, свой кусок колбасы, выпадающий из его бороды. Так они провели на кухне целую неделю. Я сидел за бюро и стучал на машинке, переводя очередной детектив. И уже заканчивал книгу, когда Долин начал выходить из запоя.

– Продалась, – была его первая трезвая мысль. – Ну так я её тоже продам!

И он продал картину. Поташил её на какую-то выставку на Арбате и так задорого продал, что с выручки вывел дом под крышу, достроил баню-бытовку и начал усиленно сватать мне соседский жигуль, говоря, что теперь будет ждать меня каждые выходные у себя «на этюдах».

Вот тогда я возьми да и грохни весь гонорар на покупку машины.

Глава 3

– Насчёт этого не волнуйтесь, – успокаивал меня Клавдий. – За квартирой мы приглядим. И цветы будем поливать, и кота, конечно, будем кормить... когда он вернётся. Извините, не уследили. Писатель! Надо ж придумать коту такое странное имя.

– Нормальное имя. Наверняка ещё шляется в зоопарке. Кстати, он не Писатель, а Граф. Писатель только призвание.

– Да? – удивился Клавдий. – А из текста следует...

О, если бы всё следовало из текста!

– Вы о чем-то задумались? – сказал Клавдий и развернул во мне компьютер. – Вчера мы остановились... Да, на «...И пшикал вслед...» Итак:

*.....чу! – каблучки за дверью.
Она входила, словно бы решив
дышать не глубже, чем на слово «Жив?» —
сама снимала плащ; его пошив
скрывал ей крылья, я смеялся: «Перья».*

*Я знал почти что каждое перо.
Бородки, завитки; их серебро
разглядывал на свет. Оно старо,
но тем нельзя, ей-богу, не ухнуть.
Был душ началом всех её начал.
Когда я – чтоб ни губок, ни мочал! —
тёр спинку ей порой, то замечал,
что крылья – водоплавающей птиц.*

По привычке я кусал губы. Потом закурил, но зажёл сигарету с фильтра, обжёг химией гортань и долго отплёвывался. Но всё равно в горле ещё долго стоял этот едкий привкус – как тогда, когда в детстве мы курили тростниковые веники. Их впервые завезли к нам в сельпо, и они хорошо ломались на «сигаретки». Вообще, мы в детстве чего только не курили: мох, ольховые листья, чайную заварку...

Клавдий Борисович запрокинул голову и внимательно смотрел на меня из-под нижнего обреза очков. В тёмных пещерах его ноздрей поблескивал золотом волосок. Низкое солнце, пройдя сквозь жалюзи, нарезало пространство комнаты сочными розовыми пластами. Молчание затягивалось. Искусанная изнанка нижней губы распухла и кровоточила. Я попробовал было опять закурить, но измазал фильтр кровью.

– Ну так что, Константин Сергеевич, поговорим по душам?

***

Когда она ушла, я пошёл на кухню и стал мыть посуду. Холодильник трясся и рокотал. Стоящий на нём телевизор с трудом выдавливал из себя скрипучего Бурбулиса, госсекретаря, который критиковал Руцкого, вице-президента. Россия становилась Америкой.

Невыспавшийся, без десяти восемь я уже ехал на работу, в школу, и в полдевятого стоял перед классом. Но урок как-то сразу не задался. Начав с *Guten morgen*, я предложил всем *Sit down*. Жизнь, собственно, продолжалась.

Но уже на следующий день произошло чудо. Кактус, тот кактус, под которым зарыт был окурок, вдруг выбросил из себя длинную мохнатую стрелу, увенчанную на конце огромным

пурпурным цветком. В его нежно-молочной утробе нудистски нежился белый пестик с раздвоенной головкой, весь такой-растакой, окружённый хороводом тычинок, стройных и загорелых, во французистых шляпках, изящно сдвинутых набок. Вернувшийся из ночного дозора Граф (он меня и разбудил) присаживался перед этим цветком на задние лапы, а когтями передних легонько наклонял бутон к себе. Потом отпускал, потом снова тянулся носом и вдохновенно чихал.

Короткошёрстный, с маленькой головкой и длинным туловищем, Граф всегда смотрелся аристократом. Если поднять его за передние лапы, их кончики были в белых перчатках, то можно было увидеть и галстук-бабочку, и белую накрахмаленную манишку на выпуклом животе, и даже две белые стрелки, отстреливающие в бока. Кот очень походил на Георга Отса в роли мистера Икс.

В тот день мы с котом часто задерживались у цветка.

А назавтра, отдав положенные часы народному просвещению, я проспал остановку троллейбуса и очнулся только тогда, когда доехал до Музея изящных искусств. Там, бесцельно бродя по залам, я наткнулся на мраморный бюст Гюго. Лоб его блестел, как от пота. Под пристальным взглядом смотрительницы зала я так и эдак изучал мрамор, его крохотные кристаллы-чешуйки, отражавшие и преломлявшие свет. Наконец мне уже показалось, что Гюго реально вспотел от такого к нему внимания. В другое бы время этот бюст без стихотворения ну точно бы не остался, но сейчас начальная строчка не шла. Не шла. А без начальной строчки, задающей весь звук и ритм, стихи писать бесполезно.

Пришла не строчка, она сама. Когда я был уже дома.

– Привет, – сказала она и с подпрыгом скользнула в дверь. – У меня отлетел каблук. Шла мимо, а он сломался. Как ты думаешь, это знак?

Я хотел помочь ей раздеться, но вовремя вспомнил и отступил. В тот прошлый раз, той самой ночью, когда мы только познакомились, я тоже изображал джентльмена, за что и получил по рукам, желая помочь ей освободиться от этого плаща с капюшоном. Тут надо было действовать с осторожностью. Вот и сейчас она сняла плащ сама. И без него казалась ещё сутулей. Лопатки сильно выпирали назад, и линия позвоночника как-то круто, с уступом, срывалась вниз, к талии. Я тогда ещё удивился: люди, что ни говори, существа вертикальные, потому – плоские. Она, конечно, была человеком, но очевидно, что плоской не была. И спереди тоже.

Перепрыгнув через предложенные ей шлепанцы, она босиком пробежала в ванную и щёлкнула шпингалетом.

Вот и в тот раз, в тот самый первый раз, ночью, она тоже сразу прыгнула в ванну. Ну и дурак же я был тогда, истолковав это однозначно.

Глава 4

– Ну так мы далеко не продвинемся, – сказал Клавдий. – Может, продолжить мне?

Я помотал головой, но Клавдий таки продолжил:

– Примерно на сто—двести тысяч человек рождается один с весьма любопытной генетической патологией. Я консультировался у медиков. Через них я вышел на одного восьмидесятилетнего старичка-профессора. Тот живет в Чите и своими глазами видел нечто подобное. Ещё до войны у него была пациентка с добавочным позвонком типа «бабочка». Такой атавизм в литературе известен, но наблюдается крайне редко. Его описывают вот этой формулой.

Он подтянул к себе листок бумаги, что-то черкнул, потом толкнул мне. Действительно формула: Th5-Th6 и что-то ещё.

– Хотя слово «бабочка» имеет отношение к крыльям, ученые склонны думать, что здесь, скорее всего, рудиментарные не крылья, а ножки. Кстати, все насекомые имеют шесть конечностей – даже те, которые с виду с четырьмя – в отличие, скажем, от животных, которые с четырьмя точно. У нас есть видеокдры, на которых вы можете видеть телёнка якобы с парой маленьких крылышек на спине. Но на самом деле это, конечно же, крошечные ножки.

Ножки! Пошёл бы он в морг и ещё раз взглянул, какие у неё на спине ножки!

***

Можно себе представить, как я был ошарашен, когда впервые увидел у неё эти штуки. Уже не под плащом, но ещё под одеждой. Раздвоенный горбик.

– Что это у тебя? – Подавшись назад, я чуть не повесил себе на шею висевший в коридоре велосипед.

– Крылья.

– Чьи?

– Вообще-то мои.

– А зачем?

– А зачем твоей кошке хвост?

– Это кот.

– Ну, тогда зачем твоему коту хвост?

Чёрт его знает, зачем моему коту хвост. Тут много всяких «зачем».

– А ты знаешь, зачем моему хвост?

– Знаю.

– Зачем?

– Значит, так. Когда Большеум покидал планету, он окинул взглядом её просторы и спросил несчастных своих малоумов, которые навсегда на ней оставались: «Что вам нужно для того, чтобы быстро бегать?» – «Смотря для чего, – ответили малоумы. – Если убегать, то длинные ноги. А если догонять – длинный хвост». Так на Земле появились зайцы и лисы, а в Африке – антилопы и леопарды.

– Но Граф не лиса и не леопард.

– Но он ведь тоже кого-нибудь догоняет.

– Он догоняет в зоопарке крыс, а у тех хвосты подлиннее, чем даже у него.

Потом мы пили чай, и она вдруг опять сослалась на Большеума. А когда я спросил, да кто он такой, никакого ответа не получил.

Из ванной донеслись энергичные хлёсткие хлопающие звуки. Через пять минут шпингалет отщёлкнул назад.

Как и в прошлый раз, она сразу прошла на кухню, включила на холодильнике телевизор, села в кресло-кровать и достала сигареты. Как и в прошлый раз, на ней был мой банный халат,

на голове – чалма-полотенце. Как и в прошлый раз, я оставил плиту на её попечение и пошёл в ванную сам.

Со стен текло струйками, потолок блестел каплями, на полу – слой воды. Тряпка пахла кошачьей мочой: у Графа свои аристократические недуги. Когда я кончил вытирать, на плите уже булькало.

Она сидела на кресле-кровати, поджав ноги, и смотрела телевизор, всё такая же бледная, как и в первую ночь. Бледный ангел. Я был готов молиться её Большеуму, только бы она не улетела так быстро.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.